

ЭВОЛЮЦИЯ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ЕВРОПЫ» РУБЕЖА XIX–XX ВВ.

Н. Н. Козлова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 14 мая 2022 г.

Аннотация: *статья охватывает период с начала 1880-х гг. до начала 1918 г., когда в публикациях журнала наиболее полно были представлены программные установки либерализма как течения русской демократической мысли. Показано, как с изменением исторических условий конкретизировались, детализировались положения либеральной программы, менялись представления авторов журнала об условиях ее реализации в России на фоне сохранения приверженности фундаментальным либеральным ценностям.*

Ключевые слова: *Россия рубежа XIX–XX вв., русский либерализм, журнал «Вестник Европы», либеральная программа.*

Abstract: *the article covers the period from the beginning of the 1880s to the beginning of 1918, when the journal's publications most fully represented the program attitudes of liberalism as a current of Russian democratic thought. The article demonstrates the way the points of the liberal agenda were detailed with the change of historical conditions. It also shows how the ideas of the authors about the conditions of its implementation in Russia changed against the background of maintaining adherence to fundamental liberal values.*

Keywords: *Russia at the turn of the XIX–XX centuries, Russian liberalism, the journal «Bulletin of Europe», liberal agenda.*

«Вестник Европы», издание которого началось в 1866 г., приобрел устойчивую репутацию либерально-западнического журнала к концу 1870-х гг. Он поддерживал реформаторскую политику правительства Александра II и последовательно критиковал власть за отступления от взятого ею курса на либерализацию в важнейших областях жизни страны. Однако потребность представить свою позицию как целостную программу появилась у редакции только после трагедии 1 марта 1881 г., когда проблема выбора дальнейшего пути развития России приобрела чрезвычайную остроту. Попытка политического обозревателя журнала К. Арсеньева сделать это уже в апрельском номере 1881 г. была пресечена цензурой, признавшей «вредными» поиски автором «Вестника Европы» «исцеления от изложенных бедствий в самостоятельном центральном органе земства, который принял бы участие в государственной жизни и деятельности, с обеспечением прав личности на свободу мысли, слова и убеждения» [1]. Но через год в мартовском номере 1882 г. под рубрикой «Из общественной хроники» публицист сделал короткий полемический выпад в адрес критиков либерализма в славянофильской печати: «Наш протест направлен против опасного смещения либеральной партии с «господчиной», либерализма с односторонним охранением буржуазных интересов... Либерализм как политическое учение — это апофеоз свободы как

всестороннего развития внутренней индивидуальной жизни и как участия граждан в общегосударственном деле — свободы вероисповедания, свободы личности, свободы печати, права контроля и т.п.» [2, 447]. А в апрельском номере 1882 г., под рубрикой «Внутреннее обозрение» К. Арсеньев уже представил развернутую программу либерализма как течения русской демократической мысли. Отвечая на упреки в «слепом преклонении перед Западом», он писал: «...перенесение к нам целиком английских или немецких порядков невысказано уже потому, что государственный строй должен соответствовать условиям времени и места... самобытности в смысле особенностей, выработанных историей, постоянно изменяющихся, поддающихся действию самых различных причин и обуславливающих собою самые различные последствия, не лишен ни один народ, не лишена и Россия. Уважать эту самобытность либералы расположены ничуть не меньше, чем националы, а может быть, и больше». Но самобытность националов, писал он «требует поворота назад; самобытность, признаваемая нами, предполагает движение вперед, только не по произвольно выбранной дороге» [3, 809]. Дорога предлагалась такая: в экономике — «поддержание общинного землевладения как главной гарантии против обезземеления массы, правительственное и земское содействие к переходу земли во владение крестьян; организация переселений и мелкого поземельного кредита; дальнейшее понижение выкупных платежей там, где они превос-

ходят доход с надельных земель; отмена подушной подати, увеличение налогов, платимых более достаточными классами, с соответствующим понижением податного бремени, тяготеющего над народом; значительное сокращение непроизводительных государственных расходов». В социально-политической сфере: «...на знамени либералов начертано по меньшей мере два девиза: «свобода печати, «свобода совести» [3, 799]. Также «необходимо правильное устройство местного управления и самоуправления, под законным контролем, но не под чьей-либо властью... Либералы предлагают всеословную волюсть как самостоятельное целое, управляемое свободно избранными уполномоченными и чуждое всякого искусственного сосредоточения власти в руках одной общественной группы... устранение тех условий, в силу которых земское и городское самоуправление часто остаются теперь мертвою буквой и служат интересам немногих в ущерб большинству» [3, 803].

Очень скоро после появления этих публикаций «Вестник Европы» более чем на 20 лет лишился возможности столь откровенных программных высказываний. «С лета 1882 г., — писал К. Арсеньев в 1915 г. в статье «Пятидесятилетие «Вестника Европы», — вопрос об изменении государственного строя надолго исчезает из обихода русской жизни. Одряхлевший государственный строй видимо клонился к упадку; чем больше предпринималось мер для его укрепления, тем больше расшатывались его основы» [4, V]. Но редактор М. Стасюлевич и весь авторский состав делали все возможное для продвижения положений либеральной программы. Материалы по крестьянскому, рабочему, национальному, религиозному вопросам, проблемам образования, о положении земств — особенно в провинции, — а также на международные темы давали понять, что растущая озабоченность власти самосохранением в неизменном виде чем дальше, тем больше шла вразрез с реальными потребностями разных социальных слоев и повышала вероятность масштабных потрясений. Однако журнал неоднократно декларировал принципиальное неприятие революционных методов борьбы. Здесь были убеждены, что в обозримой перспективе в России только власть имела реальные возможности мирного реформирования страны. Поэтому авторы «Вестника Европы» не упускали случая поддержать меры правительства, хотя бы минимально способствовавшие «движению вперед», и делали попытки убедить власть, что проведение в жизнь либеральной программы в первую очередь выгодно ей самой. Такого рода реверансы обнаруживали в том числе и тревогу по поводу мизерности усилий, предпринимаемых либеральной оппозицией. Продолжалось обнищание огромных масс крестьянства, уничтожалась университетская автономия, из сферы престижного образования удалялись «кухаркины дети», суживалась сфера деятельности суда присяжных, поощрялся на государствен-

ном уровне национализм, выводились из публичного поля политические процессы, ограничивались права местного самоуправления — и оппозиции оставалось только выражать сдержанное недовольство уже свершившимся фактом.

Но вот грянул 1905 год, и в февральском номере «Вестника Европы» 1906 г. появилась написанная К. Арсеньевым программа партии демократических реформ, создававшейся по инициативе редакции журнала. Основные положения этой программы по сути мало чем отличались от заявленных в начале 1880-х гг., но носили более конкретный и развернутый характер. Признавалось целесообразным определяемое основным законом государственное устройство России как наследственной конституционной монархии. Предполагалось создание двухпалатного парламента с законодательной инициативой, контролем за правительством, бюджетом и госзаймами. «Ни одно постановление, распоряжение, указ, приказ и тому подобный акт, не основанный на решении народного представительства, как бы он ни назывался и от кого бы ни исходил, не может иметь силы закона» [5, 788]. В области прав граждан — равенство перед законом, свобода совести и вероисповедания, свобода слова, собраний и союзов, право петиций личных и коллективных, неприкосновенность личности и жилища, свобода передвижения, судебная защита прав. В области местного самоуправления — выборность на всех уровнях, ведение всеми сферами местного управления, за исключением относящихся к компетенции центральной власти, контроль со стороны последней только за законностью действий местной с оставлением окончательного решения за судом. Посвященный ему раздел программы состоял из одной фразы: «Отменить все отступления от начал судебной реформы 1864 г.» [5, 789]. В области народного просвещения — бесплатное и общее начальное образование, инициатива частных лиц и общественных учреждений в открытии и устройстве учебных заведений всех типов и организации внешкольного образования. Экономическая и финансовая политика должны обеспечивать ограничение непроизводительных расходов, сокращение военного бюджета, развитие прямого налогообложения за счет косвенного и отмену косвенного на предметы необходимого потребления для народных масс; прогрессивный налог, независимый государственный контроль за всеми доходами и расходами государства; исключение из бюджета земств и городов общегосударственных расходов, кредит для местного самоуправления. Регулирование норм землеустройства в зависимости от местных условий. Право рабочих на стачки с установлением ответственности только за нарушение уголовного законодательства, придание профсоюзу статуса юридического лица, государственное страхование по старости и нетрудоспособности [5, 790–793].

Стал фактом российской истории манифест 17 октября, были приняты новые правила о печати, шел процесс формирования легальных политических партий, готовились выборы в первую Государственную думу. Все это давало надежду на устойчивость либеральных преобразований. Но уже в 1909 г. в статье «Призыв к покаянию» по поводу выхода сборника «Вехи» К. Арсеньев писал: «Характер революции освободительное движение получило именно потому, что слишком долго был закрыт для русских граждан доступ к государственной деятельности. Русское общество не прошло в свое время политическую школу — и это не могло не сказаться, когда внезапно раздвинулась политическая сцена и пали окружавшие ее перегородки» [6, 307]. И с горечью констатировал: «Русская государственность возвратилась к той мертвой точке, на которой стояла пять лет тому назад. Слегка измененная внешность прикрывает старое политическое содержание. Личная и общественная инициатива встречает те же препятствия, как и прежде... что бы ни говорили составители сборника, по-прежнему чувствуется уверенность, что без коренных общественных реформ невозможно глубокое обновление личной жизни» [6, 304].

Вера «прямолинейного либерала» К. Арсеньева (так называли его не самые доброжелательные современники) в универсальность и безальтернативность либеральных ценностей для «цивилизованных народов» привела его и других публицистов журнала к мысли о том, что и начавшаяся в 1914 г. «великая война» может способствовать реализации либеральной программы. Что с ее окончанием прорастут семена «международной солидарности и народной самодеятельности», наступит «период всестороннего развития» [7, 428]. «Война, освободительная по своему духу и по своим целям, не может не стать освободительной и внутри государства», — писал К. Арсеньев в обозрении «На темы дня» в ноябрьском номере «Вестника Европы» 1914 г. [8, 340]. Казалось, февраль 1917 г. оправдал эти надежды. Приветствуя «падение отжившего режима», обозреватель «Вестника Европы» утверждал: «...в плоть и кровь облекся образ русского гражданина, стертый до неузнаваемости в реакционные годы» [9, 360]. А Л. Слонимский, автор «Иностранного обозрения», провозглашал «появление на сцене всемирной истории новой русской демократии» [10, 391]. Но, пожалуй, самое удивительное, что и октябрь 1917 г. не был воспринят как разрушение этих надежд. Напротив, он побудил того же Арсеньева к корректировке и поискам путей реализации либеральной программы в новых условиях. В апрельском номере 1918 г., оказавшемся последним в истории этого самого долговечного русского толстого журнала, обозреватель с тревогой писал о все большем преобладании в текущей жизни самых

темных и кровавых сторон революции: о терроре, культивировании ненависти к «бывшим имущим классам», особенно к буржуазии; о разгорающейся гражданской войне; о диктатуре, которую он считал несовместимой с властью, рассчитывающей управлять государством сколь-нибудь длительный срок. И предлагал в качестве альтернативы «народный социализм» журнала «Русское богатство» 1905 г., который, «обещая удовлетворение всех насущных народных нужд, не разжигает народных страстей, не сеет ненависть и злобу; открывает путь к общему счастью и истинной свободе» [11, 304–317]. Программа партии народных социалистов (энесов), сформировавшаяся вокруг «Русского богатства» в 1905–1906 гг., с ее установкой на «социалистическую эволюцию», мирное внедрение элементов социализма в капитализм совпадала с многим из того, что Арсеньев считал сутью либерализма: исключение радикальных методов борьбы, самоценность и верховенство человеческой личности, прямое участие народа в законотворчестве и управлении государством, крепкое крестьянское хозяйство как цель аграрной политики; открытая социалистическая партия, отстаивающая интересы любой социальной группы, если они не идут вразрез с интересами трудящихся; демократические начала жизни всего народа, которые были для него непреходящими общечеловеческими ценностями. «Мы не можем представить себе такого момента, когда потеряла бы свою цену, например, свобода печатного слова. Она всегда будет составлять любимую мечту, заветную цель всех тех, кто видит в ней неискоренимую потребность человеческой мысли и незаменимое условие общественного развития. То же самое следует сказать и о свободе верований, и о неприкосновенности личности, и о равенстве перед законом, о всем том, что входит в состав давно известной, но вечно юной «либеральной программы» [12, 467].

К. Арсеньев, бессменный обозреватель «Вестника Европы» с 1881 г. до закрытия журнала в 1918 г., ушел из жизни в марте 1919 г. И по свидетельству современника, до конца своих дней продолжал внимательно следить за происходящим в стране. Регулярно читал газеты «Правда», «Известия», «Северная коммуна». Просил выслать ему какое-нибудь собрание декретов новой власти, особенно касающихся суда; номер газеты, где будет напечатан полный текст советской конституции. Прислать книгу П. Кропоткина «Письма о текущих событиях», три тома «Истории общественной мысли Г. Плеханова» [13, 12]. Очевидно пытаясь понять, на каких правовых основах будет строиться новое государство. И есть ли надежда, что в перспективе его законодательство будет способствовать осуществлению на практике тех демократических норм, которым он был привержен на протяжении всей своей профессиональной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. РГИА, ф. 777, оп. 2, 1865, № 1026, л. 1.
2. Из общественной хроники // Вестник Европы. — 1882. — № 3. — С. 443–458.
3. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. — 1882. — № 4. — С. 797–816.
4. Арсеньев К. Пятидесятилетие «Вестника Европы» / К. Арсеньев // Вестник Европы. — 1915. — № 12. — С. I–XIV.
5. Партия демократических реформ и ее программа // Вестник Европы. — 1906. — № 2. — С. 786–793.
6. Арсеньев К. Призыв к покаянию / К. Арсеньев // Вестник Европы. — 1909. — № 5. — С. 299–309.
7. Арсеньев К. Исторические параллели / К. Арсеньев // Вестник Европы. — 1914. — № 8. — С. 424–428.
8. Арсеньев К. На темы дня / К. Арсеньев // Вестник Европы. — 1914. — № 11. — С. 333–341.
9. Арсеньев К. На темы дня // К. Арсеньев // Вестник Европы. — 1917. — № 3. — С. 359–372.
10. Слонимский Л. Иностранное обозрение / Л. Слонимский // Вестник Европы. — 1917. — № 3. — С. 373–391.
11. Арсеньев К. На темы дня / К. Арсеньев // Вестник Европы. — 1918. — № 1–4. — С. 304–317.
12. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. — 1891. — № 1. — С. 461–478.
13. Королицкий М. К. К. Арсеньев / М. Королицкий // Вестник литературы. — 1919. — № 8. — С. 12–13.

*Воронежский государственный университет
Козлова Н. Н., доцент кафедры журналистики и литературы
E-mail: garfildcat2010@yandex.ru*

*Voronezh State University
Kozlova N. N., Associate Professor of the Journalism and Literature Department
E-mail: garfildcat2010@yandex.ru*